

МИХАИЛ КУРАБЬЕ

ИНДЕКС

19 06

П/Я 128

ЗАПИСКИ
ИЗ
ПОЧТОВОГО
ЯЩИКА

ВЫЕМКА ПИСЕМ
НЕ ПРОИЗВОДИТСЯ

Михаил Курабье

Записки из почтового ящика

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2026

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Курабье М.

Записки из почтового ящика / М. Курабье — Издательско-
Торговый Дом "СКИФИЯ", 2026

ISBN 978-5-00025-452-3

Действие книги происходит в стенах старого НИИ, который вот-вот снесут. Рабочие дни идут своим чередом, но в душе у каждого сотрудника живет беспокойство, связанное с надвигающимся переездом на новую производственную площадку. Среднее поколение надеется испытать фортуны и продвинуться по карьерной лестнице, для старшего поколения грядущий переезд становится настоящей трагедией, а молодое поколение искренне не понимает привязанности стариков к старому НИИ. Эта книга о смысле жизни, который скрывается в повседневной размеренной рутине. О любви к людям и подлинных человеческих ценностях. О связи поколений и о том, как тяжело ее сбросить, преодолев безразличие.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-452-3

© Курабье М., 2026
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2026

Содержание

Вступление	6
Записка № 1	7
Записка № 2	10
Записка № 3	13
Записка № 4	17
Записка № 5	20
Записка № 6	26
Записка № 7	29
Записка № 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Курабье

Записки из почтового ящика

© Свидерский Э. Г., 2026

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом „Скифия“», 2026

* * *

Наука является коллективным творчеством и не может быть ничем иным; она как монументальное сооружение, строить которое нужно века, и где каждый должен принести камень, а этот камень часто стоит ему целой жизни.

Жюль Анри Пуанкаре

Каждый человек – маг в душе, но он становится магом только тогда, когда начинает меньше думать о себе и больше о других, когда работать ему становится интереснее, чем развлекаться в старинном смысле этого слова.

Аркадий и Борис Стругацкие. «Понедельник начинается в субботу»

Вступление

В последнее время я все чаще вспоминаю научно-исследовательский институт, в стенах которого по воле судьбы мне случилось впервые оказаться в две тысячи одиннадцатом году. Большое количество НИИ и предприятий нашей страны к тому времени прекратили свое существование. Некоторым из них удалось восстановиться и приспособиться к современным реалиям, какие-то пребывают в неопределенном состоянии, а другие давно погибли, и о них успели позабыть. Институт, в котором работал я, пребывал во втором состоянии из перечисленных, грезил о первом, но из-за воздействия непреодолимых сил двигался к третьему.

Когда я допишу последнюю записку и соберу их все вместе, зданий цехов и корпусов нашего старого НИИ уже не будет существовать. Они превратятся в огромные груды строительного мусора и отправятся на свалку истории. На освободившемся месте построят еще один современный жилой комплекс класса «комфорт» или «бизнес», жители которого не будут задумываться о том, что раньше было на этой земле. Институт переедет на новую производственную площадку, находящуюся на окраине города. Кто-то из бывших сотрудников сменит работу, другие продолжат трудиться в институте на новой площадке, некоторые уйдут на пенсию, кого-то не станет. Но в памяти каждого останутся воспоминания, связанные со старым научно-исследовательским институтом, простоявшим семьдесят с небольшим лет на одном месте, а в две тысячи восемнадцатом году закрывшим двери своих проходных для сотрудников навсегда.

Быть может, из-за того, что все познаётся в сравнении, после увольнения из института и трудоустройства на новую работу в современную молодую компанию меня начали посещать ностальгические воспоминания о нашем старом НИИ. Количество прошедших лет не так велико, но потребность в том, чтобы собрать воспоминания вместе и сохранить их, очень сильна. С каждым новым днем усиливается страх позабыть что-то важное, что мы не имеем права забыть вновь. Пришло время освободить место на антресолях моей памяти.

Эта книга – воспоминание о старом НИИ и о тех людях, которые в нем трудились. Кто-то работал в институте совсем недолго, а кто-то посвятил ему всю жизнь. Кто-то сделал это осознанно, а кто-то – случайно. Каждому, вне зависимости от намерений и результатов своего труда, институт подарил то, что невозможно купить за деньги: уникальные знания, профессиональный опыт, коллективную сплоченность, добрых друзей, настоящую любовь.

Записка № 1

Незнакомое место, или Начало

Бесконечное количество коридоров, лестничных переходов, многочисленные двери кабинетов... Паркет под ногами сменяется бетоном, потом линолеумом, снова бетоном, виниловой плиткой цветными квадратами. Казалось, перемена декораций никогда не закончится. Один бесконечный коридор, в начале которого находились школьные классы и светлые рекреации, потом большие университетские аудитории и лаборатории, а далее – двери в научно-исследовательские сектора и отделы.

Присутствовало легкое волнение, и мысли прыгали с одного на другое. Маршрут я не запоминал. Моим проводником была интеллигентная женщина в годах из местной аспирантуры, которая неспешно и уверенно шла впереди. Было неясно, раздосадована она тем, что пришлось отложить дело, которым она занималась до того, как я пришел к ним в кабинет, или же, наоборот, была рада появившемуся перерыву. Без нее я давно бы заблудился в стенах этого института. Мы шли в научно-исследовательский сектор, куда меня определили для того, чтобы познакомиться с работающими там людьми, которые в будущем могут стать моими коллегами. Ни я, ни мои одноклассники, пожелавшие работать в научно-исследовательском институте, так и не поняли, по какому принципу произошло наше распределение по секторам и отделам. Но мы особо и не задумывались над этим вопросом, так как нам пообещали, что в дальнейшем можно будет без проблем перевестись в другое подразделение и поменять направление деятельности. Учитывая, как долго проходило оформление на места и отдел кадров соблюдал все формальности, единственное, что хотелось сделать, – это скорее приступить к работе.

Приступить к работе. Сейчас это звучит как минимум смешно и грустно одновременно. Так думал студент предпоследнего курса университета, который хотел скорее открыть дверь научно-исследовательского сектора и начать свое профессиональное развитие по выбранной специальности. Через несколько дней этот молодой человек поймет, что процесс сбора документов для оформления на рабочем месте окажется более сложным и требующим больше сил, чем сама работа в научном подразделении НИИ, по крайней мере на первых порах.

Длинный коридор второго этажа остался позади, мы вышли на лестничную площадку. Раз, два, три... двенадцать ступенек одного пролета и еще двенадцать ступенек второго – и мы оказались на третьем этаже напротив заветной двери. На ней не было никаких опознавательных табличек. Дверь была не похожа на остальные. Она располагалась в деревянной конструкции, которая напоминала остекление балкона в панельной многоэтажке, созданное из подручных материалов. Конструкция перекрывала часть коридорного пространства, образуя внутри треугольную прихожую. Надо отдать должное тем людям, кто это создал. Если учитывать, что высота потолков здесь была больше трех метров, а конструкция была выполнена от пола до самого потолка, то выглядело неплохо. Не сравнить с тем, что порой создают, погрузившись с головой в рабочий азарт, некоторые умельцы, вдохновляясь собственным воображением и забыв вовремя остановиться. Деревянные элементы были добротной выкраской белой краской. Большая часть занимали рифленые стекла, за которыми ничего было не видно, кроме того, что внутри не горел свет.

До этого этажа косметический ремонт в здании не добрался. Несколько старых ламп дневного света тускло освещали коридор, в котором нет окон. Стены выкрашены зеленой краской, которая потускнела от времени или всегда была такого светлого цвета. На стенах и потолке висели старые провода. Здесь они смотрелись гармонично и дополняли интерьер. Под ногами старый паркет из мелких дощечек, часть из которых давно покинула свои места.

На деревянной двери установлен кодовый замок, состоящий из десяти кнопок для каждой цифры. Он похож на те, что устанавливали на дверях парадных домов до того, как начали использовать ключи с контактной памятью. На нем легко угадывалась комбинация цифр, которая использовалась для открытия. Если я скажу, что в этом месте царила мертвая тишина, то не сильно преувеличу. Не было ни единого признака наличия живой души поблизости.

Череда событий осталась позади, и наступил момент, которого я так долго ждал. Наконец-то я увижу настоящий научно-исследовательский сектор и познакомлюсь с людьми, которые в нем работают. Прошло полгода ожидания с момента принятия мной решения здесь работать и включения моей кандидатуры в список до этого самого мгновения, когда я окажусь на пороге. Осталось сделать пару шагов, и начнется что-то новое. Можно отбросить все беспокоящие меня размышления и предположения об этом месте. Настал заветный миг! Чувствую себя гостем, пришедшим на важное мероприятие без приглашения. Женщина подходит к белой деревянной двери, берется за круглую ручку, не имеющую никаких поворотных механизмов, и тянет ее на себя.

Может, развернуться и убежать скорее отсюда, забыть все это? Потом можно сказать, что я передумал. Зачем я все это затеял? Наверняка тех знаний, которые у меня есть, недостаточно для работы в научно-исследовательском институте. Кого я обманываю? Вдруг меня попросят продемонстрировать уровень моей университетской подготовки? Зададут элементарный вопрос, на который я не знаю ответа? Скорее всего, так и будет. Зачем им брать человека без хороших знаний? Какой смысл заставлять людей тратить их рабочее время на общение со студентом, который не знает, чем он хочет заниматься в жизни? Хорошо, если там за дверью сразу скажут, что я им не подхожу. Или потом передадут это через отдел кадров, если не хватит смелости озвучить в лицо. Или, наоборот, не очень бы хотелось говорить людям, что все хорошо, меня устраивает. Да, так бывает: боишься сначала кого-то обидеть, соглашаешься с ним, киваешь, но имеешь противоположную точку зрения на что-то. Некрасиво потом будет, если посчастливится пройти проверку и мне сегодня выделят рабочее место, а на следующий день им позвонят из отдела кадров и скажут, что молодой человек передумал, отбой. Не люблю доставлять неудобства другим.

Огромные рифленые стекла содрогнулись вместе со всей деревянной конструкцией самодельной стены, сопротивляясь усилию, прилагаемому женщиной, тянущей ручку на себя. Дверь осталась заперта. Еще пара безрезультатных попыток, и придет понимание того, что дверь закрыта. Никаких приспособлений, позволяющих заявить о своем присутствии, здесь нет. Женщина начинает интеллигентно стучать в дверь. Вся стена отвечает дребезжанием стекол. Надеюсь, они надежно закреплены и старой древесине хватит сил удержать их на местах.

Ждем, проходит время, и женщина стучит снова. Но ни одной живой души поблизости. Звуки ударов в деревянную дверь и едва уловимый звук дребезжащего стекла умолкают. Окружающая обстановка их поглотила и моментально переварила, не оставив и следа.

Не знаю, как чувствует себя человек на эшафоте, которому по воле случая даруют жизнь. Мне кажется, что я испытал в тот момент нечто подобное. «Кабинет стоматолога» оказался закрыт. Можно выдохнуть и перенести это событие на потом. Но неминуемо приходит осознание, что придется пережить волнующий момент еще раз. Разум понимает, что поводов для радости нет, лучше сделать дело и гулять смело. Но в этот момент я его не слышу.

Собственно говоря, нас и не ждали, никто не подозревал о нашем визите, мы не звонили заранее и не договаривались о встрече. После лекций, которые проходили по понедельникам в НИИ, добрая женщина из аспирантуры, по моей настоятельной просьбе, согласилась показать, где находится сектор, в который меня определили.

– Наверное, все уже ушли, – сказала она.

Я посмотрел на свои наручные часы – на них не было и четырех.

– Они рано приходят и, соответственно, раньше уходят. Значит, в другой раз, – добавила женщина.

Судьба, стечение обстоятельств, непредусмотрительность – все это неважно. Единственное, что нам оставалось сделать в сложившейся ситуации, – это развернуться и уйти. Я поеду домой через весь город, так и не узнав, что скрывается за этой деревянной дверью. Женщина из аспирантуры вернется на свое рабочее место и продолжит разгадывать сканворд. Через неделю мы повторим наш визит.

Записка № 2

Попытка номер два

Неделя пролетела незаметно. Мое волнение утихло, я еще раз прокрутил в голове возможные сценарии предстоящего знакомства и в конце концов успокоил себя тем, что будь как будет и не стоит сильно переживать, если меня не примут на работу в НИИ.

Мы снова стоим в этом слабоосвещенном коридоре, и перед нами знакомая белая деревянная дверь. За прошедшую неделю здесь ничего не изменилось. Женщина берется за круглую дверную ручку, чтобы потянуть на себя. Дверь без малейшего сопротивления начинает открываться. Стекла в деревянной стене еле слышно дребезжат, а вместе с ними – что-то внутри меня.

Мы зашли внутрь. Небольшое неосвещенное помещение было когда-то частью коридорного пространства. По форме оно напоминало прямоугольную трапецию.

На полу такой же паркет, как снаружи в коридоре. Пахнет сухой древесиной и пылью. Света здесь ровно столько, сколько может проникнуть через рифленные стекла со слабоосвещенной лестничной площадки и коридора. Справа от входа стоит массивный деревянный письменный стол с ящиками по обе стороны, на котором расставлены неизвестные мне блоки, приборы и лежат разные железяки. Еще на нем покоятся толстые архивные папки на завязках, которые едва удерживают огромные кипы пожелтевших бумаг.

Все предметы выглядят старыми и покрыты слоем пыли – вероятно, всем этим редко пользуются. Под столом виднеются большие бухты с кабелями. Слева стоит старый деревянный платяной шкаф, служащий для хранения верхней одежды. Рядом, друг на друге, еще два шкафа со сдвижными деревянными дверьми. Проглядывающие кое-где стены и потолок выполнены из бетона, все остальное деревянное. Этаким викторианский стиль эпохи Советского Союза. Не хватало мягкого ковра на полу, линкруста на стенах да камина с колосниковой решеткой из чугуна, в котором бы еле заметно догорали поленья, тихонько потрескивая и наполняя помещение причудливым освещением.

Перед нами еще одна глухая белая деревянная дверь – это единственная преграда, оставшаяся на нашем пути. Женщина из аспирантуры открывает ее и проходит внутрь. Секундное промедление, и я следую за ней. Наконец-то мы попали в научно-исследовательский сектор.

Не помню, какую вступительную речь она произнесла, представляя меня работающим здесь людям, так как я застыл на месте, исследуя глазами окружающую обстановку. Мы попали в другой мир и в другое время, не используя машину времени или другие хитрые приспособления, – просто переступив порог. Коридор тоже не соответствовал текущему году, но здесь отличия были более разительными. Это был мир, который не знал о существовании стеклопакетов, светодиодов, интернета, радиотелефонов, мебели из древесно-стружечной плиты. Все эти предметы сюда еще не добрались.

Я оглядывался по сторонам, и мой взгляд постоянно натывался на столы – они были здесь везде. Расстояние между некоторыми из них было настолько небольшим, что там едва мог протиснуться человек. И каждый из них был чем-то заставлен.

Это были неподъемные деревянные столы со встроенными ящиками с обеих сторон. По таким столам можно без лишних опасений стучать молотком и ходить ногами – они выдержат любое воздействие и не только не сломаются, но и их внешний вид не испортится. Но сейчас по их виду можно было предположить, что столам очень много лет и они многое пережили. На каких-то из них были деревянные надстройки, основное назначение которых заключалось в ограждении индивидуального пространства инженера. К второстепенным задачам надстроек можно отнести хранение документации, которая не влезала в ящики столов и стоящий у двери

открытый шкаф. А может, этими документами чаще пользовались, поэтому не убрали далеко. Людей в помещении было меньше, чем столов.

Из-за нагромождения столов, их плотной расстановки и шкафов, стоящих по обе стороны от дверного проема и образующих небольшой коридор при входе, было сложно определить площадь комнаты. Думаю, она была не меньше сорока пяти квадратных метров. Через пару дней я узнаю, в чем заключалась особенность такой расстановки мебели.

Как говорится, встречают по одежке, и на этом этапе знакомства в моей голове прозвенел звоночек, не дождавшийся наступления второй части этой пословицы. Моментально появились мысли. Первая – это век, в котором я сейчас очутился, не соответствовал веку настоящему. Вторая – царившая здесь обстановка указывала на отсутствие динамичной и прогрессивной работы. Третья – это вопросы самому себе: «Ты что, шутишь? Зачем ты сюда пришел?» То, от чего я пытался убежать в институте, встретило меня здесь. Такие же старые вещи (лабораторные источники питания, измерительные приборы, системные блоки с голубой прямоугольной наклейкой «Пентиум», мониторы с электроннолучевой трубкой, повсюду стопки старых документов, покрытых пылью) и люди предпенсионного возраста.

Произнеся короткую вступительную речь, женщина из аспирантуры незаметно ретировалась, оставив меня в компании двух молодых людей, двух женщин, среднего и близкого к пенсионному возрасту, и троих пожилых мужчин, включая начальника лаборатории. Всех этих людей я видел первый раз в жизни.

Думаю, вам знакома ситуация, когда, устраиваясь на работу, вы думаете следующим образом: «Поработаю здесь некоторое время, поднакоплю денег, пока не подыщу что-нибудь более привлекательное, интересное и высокооплачиваемое. Все это временно, надо немного потерпеть, а эти неудачники, что работают здесь, так и останутся в этом месте». Проходит пара месяцев, год, несколько лет, а вы продолжаете там же трудиться. И хорошо, если часть ваших размышлений по поводу этих неудачников развеется, иначе вы себя погубите, сами того не осознавая.

В голове все чаще будут возникать мысли о том, как вы придете в кабинет к руководителю и положите на стол заявление об увольнении по собственному желанию, которое для него станет полной неожиданностью. Начальник будет настаивать на том, чтобы вы хорошенько подумали, так как без вас вся работа пойдет наперекосяк, и будет говорить, как сложно найти вам замену. Вы в свою очередь ответите, что решение окончательное, и оттолкнете все его предложения. При этом истинное удовольствие от процесса увольнения будет заключаться не в переходе на более интересную и высокооплачиваемую работу (она, скорее всего, и не будет такой), а в том, чтобы доставить неудобство начальству и пробудить чувство зависти у остальных сотрудников. Потом вы получите финальный расчет в бухгалтерии, сдадите пропуск, заберете свою трудовую книжку из отдела кадров, спуститесь по лестнице и выйдете в последний раз через проходную на улицу. В руке будут потрепанный пакет со сменной обувью, кружкой и чайной ложкой да какие-то бумаги с записями, которые без вас выкинут, так как никто не будет знать, как ими воспользоваться. Вы вдохнете воздух полной грудью, и в этот момент он будет совсем не такой, каким был все эти годы, когда вы уходили после очередного рабочего дня домой. Пройдет небольшое количество времени, вы робко придете на новое место работы, освоитесь, поработаете, и в вашей голове вновь появится мысль об увольнении.

Если у вас нет интереса к чему-то определенному и готовности заняться этим без отлагательств, приложив все свои усилия и терпение, то вы обречены на долгие поиски теплого места, где сможете зарабатывать максимум денег, прикладывая минимум усилий. Ваша лень будет прекрасно себя чувствовать и разрастаться, как сорная трава. В итоге она задавит все ростки ваших начинаний. И чем дольше длится эта беготня в ожидании чуда, которое вот-вот свалится на плечи, тем больше вероятность застрять в этом состоянии навсегда.

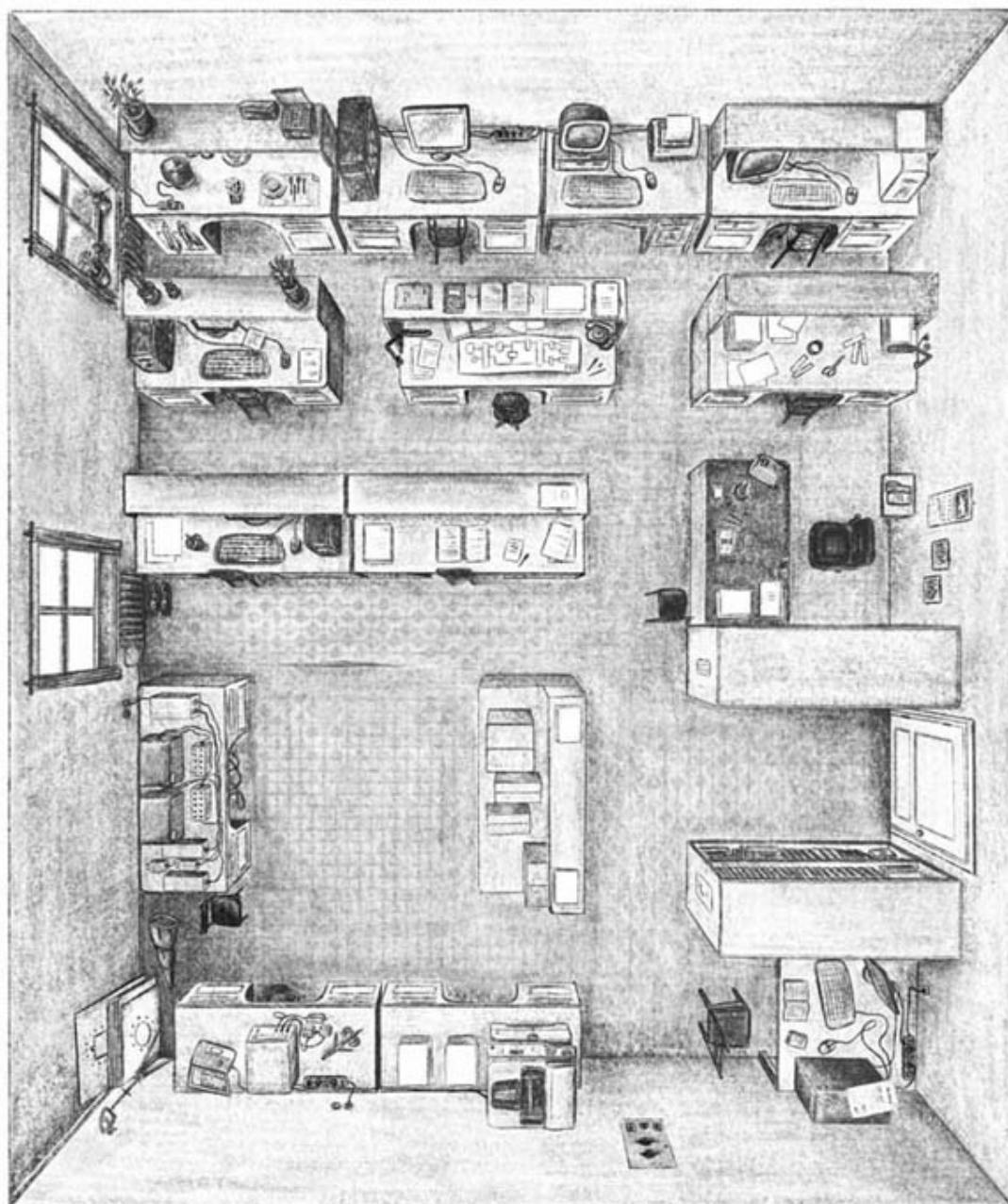
Подобное отношение, как к временному, существует не только к работе, к коллегам, но и к людям вообще, автомобилю, жилью. Порой то, что мы считаем временным, является самым что ни на есть настоящим. Это настоящее и займет прочное место в нашей памяти, а пришедшие блага, о которых мы грезим в настоящем, в будущем не принесут того количества радости, которое мы от них ждем.

Записка № 3

Научно-исследовательский сектор

Тогда, впервые попав в научно-исследовательский сектор, я хорошо запомнил его интерьер, расстановку мебели и причудливое расположение рабочих мест. Позже многое поменялось и исчезло безвозвратно, но первые впечатления надежно сохранились в моей памяти на долгие годы.

Три ряда столов стояли на одинаковом расстоянии друг от друга перпендикулярно стене с двумя большими окнами. Такая расстановка и прямоугольная форма комнаты напоминали школьный класс. Солнечный свет падал по левую руку сотрудников, сидевших за этими столами. Только, в отличие от класса, работники сидели лицом к стене, на которой не было доски для записей мелом, а первый ряд, состоящий из четырех столов, стоял вплотную к стене.

План сектора

При входе в помещение в глаза бросалось одно из двух окон, две нижние створки которого были закрыты полиэтиленовой пленкой. Спустя время она утратила прозрачность, и сейчас сквозь нее можно было разобрать лишь время суток за окном. Держалась пленка на приколоченных по периметру рам деревянных рейках, напоминая парник у бабушки в деревне.

Рядом с этим непрезентабельным окном находился стол с разнообразной кухонной утварью. Здесь стоял черный пластмассовый электрический чайник, а еще были чашки с блюдами, кружки, керамические тарелки, бумажные салфетки, ложки, вилки, ножи, сахарный песок в стеклянной банке из-под кофе, банка с растворимым кофе, открытые упаковки с пакетированным чаем. Здесь же, на гвоздике, висели маленькие яркие полотенца. Была видна женская рука в организации этой части комнаты.

Предметы этой импровизированной кухни относились к той категории, когда они уже потеряли внешний лоск, но исправно выполняли свои функции. Так бывает с вещами в квартире: выбросить жалко, поэтому можно отправить на дачу, где им рано или поздно найдется применение. Кухонный стол на фоне окна, закрытого полиэтиленовой пленкой, напоминал часть старой маленькой дачи, построенной из экспериментальных материалов в те недалекие времена, когда на рынке существовал огромный дефицит строительных товаров.

Единственным предметом, который никак не вписывался в общую картину на этом столе, был электрический чайник. Он незаконно занял место самовара и отодвинул кипяtilьник со стеклянной банкой.

Соседний стол занимал широкоплечий молодой человек в полосатом джемпере и с темными, аккуратно подстриженными короткими волосами. Его возраст был близок к моему. Он сидел спиной к входу, и каждый, кто заходил в комнату, видел часть его монитора, которая выглядывала из-за надстройки стола ведущего инженера. Такая расстановка столов исключала поворот экрана монитора на другой угол.

На следующем столе в этом ряду стоял древний компьютер и, под стать ему, принтер. Это был один из первых персональных компьютеров, которые появлялись в нашей стране после эпохи ламповых ЭВМ, занимающих целый дом. В настоящее время его технические параметры не превышали характеристики мобильного телефона, который находился у меня в кармане. За этим компьютером никто не сидел, и использовался он в крайне редких случаях. Было быстрее выполнить задачу с помощью шариковой ручки, листка бумаги и калькулятора, чем беспокоить старичка и ждать, пока постаревшие электроны внутри него найдут требующиеся адреса и доползут до них.

Далее, во втором углу комнаты, на столе стояли большой старый монитор с электронно-лучевой трубкой и системный блок цвета слоновой кости. Такой цвет блок обрел спустя время. Он был моложе своего товарища, расположившегося слева, но его мощности едва хватало для работы в текстовом редакторе и раскладывания пасьянса. Монитор был настолько громоздким, что на столе оставалось совсем немного места для клавиатуры с мышью. При работе за этим компьютером было невозможно расположить руки на столе, чтобы они не уставали при наборе текста.

Во втором ряду было три стола. Стояли они не вплотную друг к другу, в отличие от первого ряда. Между ними можно было кое-как пробраться. За первым, ближе к окну с пленкой, сразу за кухней, сидела женщина лет шестидесяти. Рядом с ней, справа, сидел ведущий инженер – мужчина лет семидесяти. Если бы не надстройки столов, то он мог бы с легкостью, встав со своего стула, достать рукой до плеча молодого человека в полосатом джемпере. Третий стол сейчас пустовал. Его занимала женщина лет сорока или чуть старше, которая в тот момент сидела за старым белым компьютером с большим монитором, так как своего компьютера у нее еще не было.

В третьем ряду два стола стояли вплотную друг к другу. За одним из них, рядом со вторым окном и за женщиной в возрасте, сидел светловолосый молодой человек.

Черный системный блок его компьютера стоял на столе по правую руку и служил перегородкой с соседним столом, на котором были разложены разные папки и бумаги. Очевидно, за тем столом никто не сидел постоянно. Его использовали для документов, с которыми работали в текущее время.

У стены напротив окон находился стол начальника сектора. Он был развернут в сторону окон так, что сидящий за ним смотрел на молодого человека со светлыми волосами. Слева от руководителя была глухая стенка шкафа, выполненная из листа оргалита. Справа стоял стол, который занимала женщина лет сорока. Расстояние между ее стулом и креслом начальника было меньше одного метра. На ее месте я бы тоже предпочел чаще сидеть за другим столом, на котором был компьютер, пускай и старый. Стол начальника сектора был десятым по счету. И это еще не все столы нашего небольшого помещения. А может быть, оно казалось небольшим из-за этого количества столов.

Единственное свободное пространство, некий островок в бескрайнем море столов, находилось за третьим рядом столов и спиной светловолосого молодого человека. Это пространство представляло зону для проведения лабораторных испытаний. Здесь стояли старые измерительные и специальные приборы, источники питания и лежали изделия причудливой формы. Рядом были разложены высокочастотные кабели и разнообразные жгуты, с помощью которых все соединялось между собой.

Благодаря наличию свободного пространства можно было увидеть старый, протертый до дыр линолеум. Он был настолько потрепан, что его рисунок было не разобрать. В некоторых местах разошлись швы, через которые проглядывал голый бетонный пол.

В углу стояла старая деревянная тренога, на которой было закреплено какое-то приспособление. Она была сложена и прислонена к стене в углу комнаты рядом с другими вещами. Было видно, что тренога нечасто использовалась. Можно было избежать словосочетания «какое-то приспособление» и написать, что эта тренога предназначалась для ориентации измерительных антенн по азимутальному углу, углу места и углу плоскости поляризации в лабораторных, заводских и полевых условиях. Но тогда ее предназначение мне было неизвестно.

На одном из столов в этой части комнаты стоял большой МФУ для бумаги третьего формата. В ближайшем будущем он станет самым используемым мною инструментом здесь. Я изучу назначение всех кнопок и пунктов меню, найду расположение всех технологических люков для извлечения бумаги при замятии, проверю технические возможности этого устройства и достигну границ времени его непрерывной работы.

В пространстве между столом с МФУ и обратной стороной второго шкафа с документами, в четвертом углу комнаты находилось рабочее место пожилого мужчины. Он был похож комплекцией тела, чертами лица, формой головы и отсутствием волос на ней на известного российского и американского журналиста, телеведущего, радиоведущего, писателя, переводчика и интервьюера, которого показывали на Первом канале. Позже я узнаю, что это сходство является не только внешним.

Этот человек всегда предельно четко формулировал свои вопросы и ответы, никогда не отвечал насмех оппоненту, даже если тот наседали и требовал скорейшего ответа. Я не переставал удивляться, с какой цепетильностью он докапывался до истины и находил исчерпывающие ответы там, где другие из-за нехватки терпения отступали.

Столом ему служил прямоугольный кусок фанеры, закрепленный между стенкой шкафа и бетонной стеной. Он был покрыт белой бумагой, а поверх лежало потускневшее оргстекло. В пространстве между стеклом и бумагой были размещены фотографии, открытки и записки. Ни один из имеющихся здесь столов не влез в это небольшое уединенное пространство.

При входе в сектор, чтобы кого-то увидеть, нужно было сделать два-три шага вперед и миновать коридор из шкафов. Далее вы упирались в стол с надстройкой, стоящий посередине сектора. Заглянув направо, вы видели большую часть комнаты, за исключением стола начальника. А слева было скромное рабочее место пожилого инженера в углу.

Так выглядел сектор, в который я пришел в июне две тысячи одиннадцатого года. Сектор, в котором было четырнадцать столов и работали семь человек. А мой будущий рабочий стол находился в самом центре этой комнаты.

Записка № 4

Знакомство

Это был неловкий момент, когда стоишь в незнакомом месте и не знаешь, что тебе следует дальше делать и как себя вести. Казалось, что прошла целая вечность с того момента, как ушла женщина из аспирантуры и я остался стоять один, а на самом деле – несколько секунд. Совсем скоро начнется непосредственное знакомство с людьми и работой, которую они выполняли в этом большом институте.

Начальником сектора был пожилой мужчина. На вид ему было семьдесят пять лет. У него были тучное тело и большая голова с густыми седыми волосами и черными бровями. Доминантой его рабочего места было огромное офисное кожаное кресло, выделявшееся своим современным видом на фоне остального интерьера комнаты. За счет того, что ручки этого кресла откидывались назад, мужчина мог комфортно, без стеснения в нем разместиться.

Сидел начальник за простым небольшим столом, каркас которого был выполнен из обычного металлического профиля квадратного сечения, а столешница – из прямоугольного листа ДСП, ламинированного под темное дерево. С передней стороны был приделан светлый лист фанеры, который закрывал ноги. Не было видно, есть ли в этом столе ящички. На столе лежало прозрачное оргстекло, под которым в некоторых, не заставленных, местах виднелись пожелтевшие бумажные записки и черно-белые фотографии. Никакого компьютера у него не было. На столе хаотично валялись бумаги, газеты и предметы канцелярии. Здесь же стояла чашка, а главное место занимал перекидной календарь-ежедневник на пластмассовом основании – такие были популярны пару десятков лет назад.

Боковая сторона стола начальника стояла впритык к глухой стенке шкафа с документами. За его спиной на стене висели календарь и пара черно-белых фотографий с составами волейбольной или баскетбольной команд. Позади, на крохотной тумбочке, располагался проводной телефонный аппарат с возможностью выхода на межгород.

Рядом со столом начальника стоял старый небольшой стул с металлическим каркасом, который когда-то был хромированным и блестящим. Сейчас же большая часть хрома на нем потускнела от времени, а остальная стерлась или отвалилась. Сиденье и спинка были выполнены из фанеры, обитой коричневым, местами потрескавшимся дерматином со структурой под кожу. Где-то виднелись капли засохшей масляной краски, а где-то и вовсе образовались дыры. Этот непрезентабельный стул предназначался для тех, кто приходил к руководителю сектора, и мне тоже предстояло посидеть на нем.

Неловкая пауза продлилась недолго. Начальник сектора тепло и дружелюбно меня поприветствовал со своего места и пригласил сесть на этот стул. Слова, которые он произнес дальше, я запомнил навсегда. Он спросил, как меня зовут. И, заметив, что я на секунду замешкался, соображая, в какой форме, полной или сокращенной, давать ответ, он успел добавить, чтобы я назвал полностью свои фамилию, имя и отчество. После того, как я их произнес, начальник сектора обратился ко мне по имени и отчеству, сказав, что по отчеству пока не будет ко мне обращаться, так как достижений в профессии у меня еще нет, а в возрасте у нас слишком большая разница.

Если бы знал, что через десять месяцев его не станет, я бы внимательнее прислушивался и к другим словам этого человека и смелее задавал интересующие меня вопросы. А может, тогда я был еще слишком молод, и в моей голове не созрели те вопросы, которые появились спустя время, на многие из которых я до сих пор не нашел ответов. Да, так бывает: вопросы появляются в будущем, а людей, которые могли помочь и дать ответы или полезные советы, уже нет в живых. Они остались в далеком прошлом.

Для кого-то может показаться сушей мелочью такая деталь, как обращение к человеку по имени и отчеству. Я же никогда не понимал людей, которые испытывают удовольствие и удовлетворение собой, когда их так величают в молодом возрасте. Когда разница в возрасте составляет в два раза и больше – другое дело. Это выражение уважения к старшему человеку вне зависимости от его жизненных успехов. Здесь я имею в виду людей, которым нет и тридцати лет, не имеющих особых заслуг, которым нравится, когда незнакомый им человек обратился к ним по имени и отчеству. Пара таких случаев, и они начинают это использовать на регулярной основе, прививая окружающим привычку подобного обращения, испытывая некоторое удовлетворение собой.

Тогда, в июне две тысячи одиннадцатого года, пожилой начальник сектора очень точно и кратко истолковал мне этот жизненный момент, поприветствовав меня таким образом. Уважение к себе не прививают окружающим, его заслуживают упорным трудом и добросовестной работой. Этого не достичь быстро, да и нет в этом никакой необходимости. Если получать все и сразу, теряется вкус к жизни, рецепторы притупляются. Пересташь получать удовольствие от тех вещей, которым радуется человек, поднимающийся по всем ступеням, спотыкаясь, потея, но обретая опыт, необходимые знания и уверенность в своих действиях.

В тот день мне не стали устраивать сложную проверку теоретических знаний. Начальник сектора ограничился парой вопросов по специальности. Они были не сложными, скорее общими, и я на них ответил. Выслушав меня, он дополнил мои ответы примерами из практики. Я и не заметил, как исчез мой внутренний страх предстоящего экзамена, который жил со мной до этого момента.

Дальше последовали вопросы о моих увлечениях, хобби, обо всем, что не касалось обучения в университете и работы. Это стало неожиданностью для меня. Я не знал, о чем рассказывать, так как каким-либо спортом я серьезно не занимался, никаких увлечений, которые следует указывать в резюме, я не припомнил. Упомянул про поездки на велосипеде в пределах Ленинградской области и настольный теннис, которым я посвящал часть своего свободного времени. Рассказывая о своих увлечениях людям, которых видел впервые и которые внимательно меня слушали, я чувствовал себя неловко.

В будущем я узнаю, что наш ведущий инженер в пятьдесят девять лет ходил в недельный поход на байдарках по одной из рек в Карелии. Протяженность маршрута составляла сто тридцать километров, и относился он ко второй группе сложности. Учитывая только один этот факт, мои скудные достижения в спорте в двадцать два года меркли и терялись.

На первый взгляд, все здесь были интеллигентными и чересчур скромными людьми. Я разговаривал только с начальником сектора и с мужчиной лет семидесяти, который, как выяснилось позже, был ведущим инженером. Он показался мне самым приветливым, жизнерадостным и, по-моему, был искренне рад появлению нового человека здесь. Все остальные меня ни о чем не спрашивали, а только слушали. Несколько раз кто-то из них добавлял пару слов к речи ведущего и начальника сектора.

Язык не поворачивается назвать ту встречу собеседованием. Правильнее будет сказать – первое знакомство. И завершилось оно быстро, так как мне нечего было особо рассказывать, а вопросы, которые меня беспокоили, я не задал по причине нехватки смелости. Теперь оставалось отдать бумагу, которую мне дали в отделе кадров, начальнику сектора, чтобы он поставил свою резолюцию в отношении меня. В случае его положительного решения я мог завершить процесс оформления на работу с половинным графиком – двадцать часов в неделю. Мы обсудили с ним режим моего рабочего дня. Учитывая, что на дворе был конец июня и в университете до сентября занятия закончились, я имел возможность соблюдать ежедневный график по четыре часа в день. В будущем, когда осенью возобновится мое обучение, я должен буду заранее сообщать, когда смогу приходить. Еще меня предупредили, что здесь строго следят за отработанными часами с момента, когда приложил пропуск на проходной, приходя и уходя

с работы. Тогда этой детали я не придавал особого значения и пропустил информацию мимо ушей, так как она показалась мне второстепенной и не требующей особого внимания.

Я вышел в коридор, а в руке у меня была бумага с положительной резолюцией начальника сектора. Оставалось передать ее в отдел кадров и уточнить число, с которого я могу приступить к работе в научно-исследовательском институте на должности инженера.

Страх, который жил со мной продолжительное время, рассеялся. Меня приняли на работу. Но его место занял новый страх – заключение трудового договора приведет к ограничению текущей свободы. Люди, которых я сейчас увидел, были обременены обязательствами перед работодателем. Они должны соблюдать рабочий график и придерживаться норм, введенных в коллективе. Скоро и я встроюсь в систему, стану работником и приму существующие права и обязанности до того момента, пока они не перестанут меня удовлетворять.

Записка № 5

Внутренний двор НИИ

В эти утренние часы еще чувствовались прохлада и свежесть, которые приносили едва уловимые потоки ветра. Они служили постоянным напоминанием о существовании огромного водоема поблизости. По наступившему спокойствию было непонятно, движется остров в пространстве или пространство проносится мимо. Голубое небо и спокойный водный простор вдалеке, разделенные тонкой нитью горизонта, внушали мысль об отсутствии границ у этого мира. Осознание этого факта, а также мысль о количестве кораблей и человеческих жизней, погубленных этим суровым морем в приступах непрогнозируемой ярости, сводили многих с ума.

Солнце, только появившееся на небе, медленно перемещалось все выше и выше, тени становились короче, а мест, где можно было спрятаться от надвигающейся жары, все меньше. По силе первых горячих лучей солнца было понятно: намерения у него серьезные, и оно действительно расплавит все, что встретится на его пути. Сегодня ему предстояло в очередной раз достичь самого удаленного положения от небесного экватора. А это значит, что времени для осуществления своих планов у него будет предостаточно.

Этот остров появлялся и тонул под толщей черной воды неоднократно. Волны смывали имена и даты на памятных камнях. Многих забыли навсегда. Корабли уходили в море с надеждой вернуться домой. Вдоль улицы, как вдоль причала, остались стоять ровными рядами огромные корабли проекта 1 ЛГ–600. Они уже много лет сидят на мели. А у домов напротив, расположившихся на набережной, стали видны «ноги». Тот, кто силился понять, в каком времени он очутился, был обречен попасть в тупик. Здесь будущее смешалось с прошлым и застряло в настоящем навсегда. Такое начало могло быть у литературного произведения с использованием художественного метода «магический реализм».

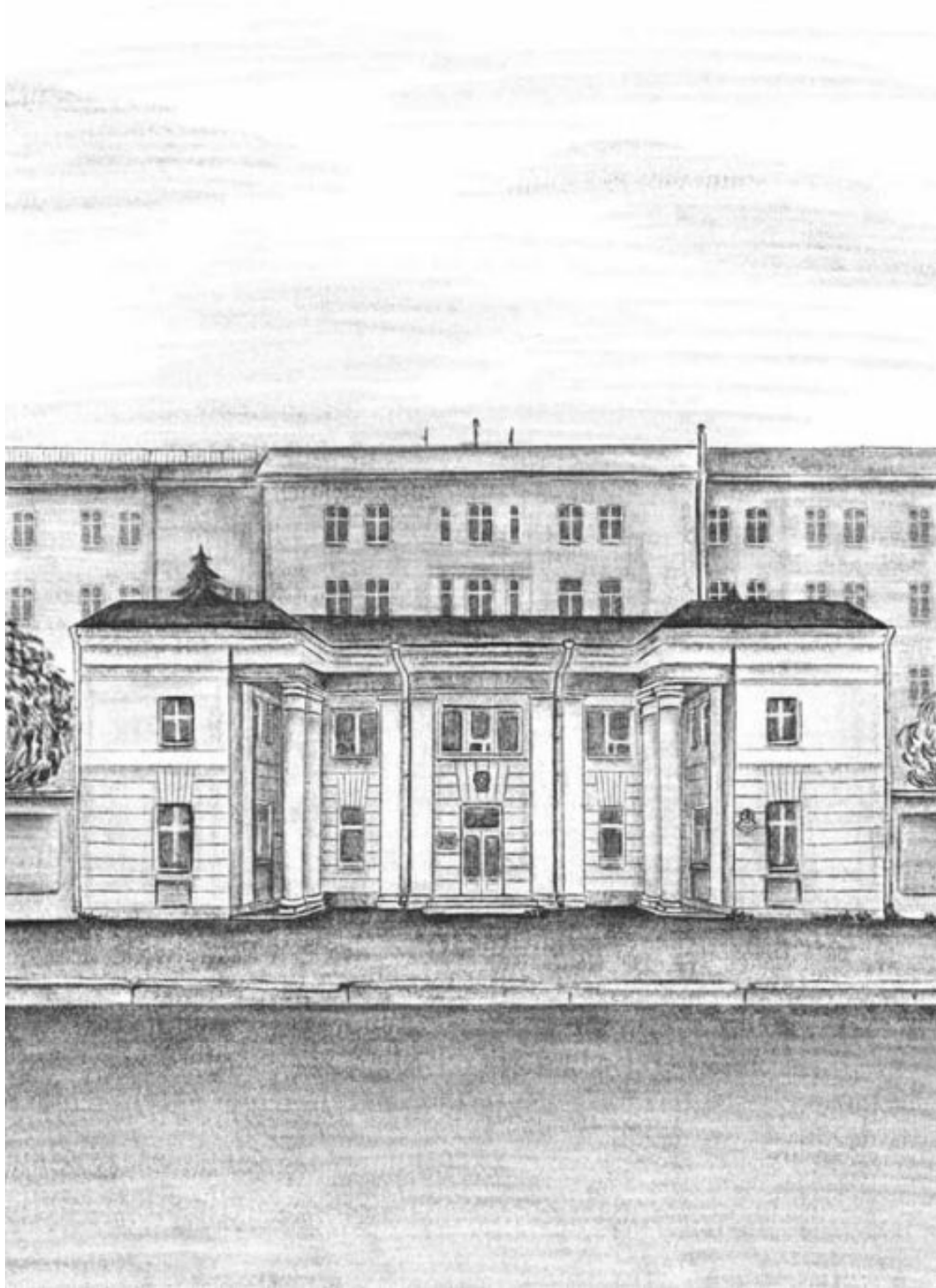
Я вышел из метро на улицу. Время приближалось к половине девятого утра. Погода в этот день стояла прекрасная. Было комфортно идти в одной рубашке, перебросив легкую куртку через плечо. В тени деревьев и домов царил прохлада, а на открытых участках уже становилось жарко. Прохожих на улице было мало, основной поток людей, идущих в сторону станции метро, прошел, да и к тому же наступила пора отпусков и каникул. Воздух был наполнен густым и тягучим ароматом смолы тополей. Самих тополей не было видно, но белый пух от них перемещался в воздухе, неспешно опускался на землю и, суется, передвигался под ногами. Он собирался на границе тротуара и густой зелени газона, преграждавшей ему путь вместо поребрика. Немного погодя к аромату тополей прибавился тяжелый запах раскаленного асфальта и недавно скошенной травы на газоне. Так пахнет солнечный и жаркий июньский день в городе.

Отсутствие понимания того, что будет происходить дальше на новой работе, вызывало волнение. В голове крутились различные мысли и вопросы о том, что меня ждет на новом месте и как следует поступить в будущем, если все пойдет плохо. Да и что следует понимать под словом «плохо»? Можно было преодолеть расстояние четырех не самых больших автобусных остановок пешком и поразмышлять о грядущем. Хорошая погода и достаточный запас времени этому благоприятствовали. Тем более что отпуска или каникул у меня нынче не предвиделось.

Первые дни на новом месте самые волнующие и неудобные. Незнакомые люди, традиции в коллективе, распорядок дня. Постоянно приходится вспоминать, как кого зовут, и переживать о том, чтобы ненароком не перепутать имя, отчество или то и другое, когда обращаешься к человеку. Если вы добросовестны, то будете думать над тем, как правильно выполнить первые поручения и не испортить что-нибудь в первый день, включая свою репутацию. Предстоит узнать массу нюансов и мелочей, на которые спустя время перестанешь обращать внимание, вроде таких, как расположение подразделений, как проходит обеденный перерыв, как ваши

коллеги относятся к работе, где при необходимости можно взять предметы, требующиеся для работы, и к кому лучше обращаться с возникающими вопросами. Повезет, если ваши новые коллеги будут проявлять отзывчивость на этом этапе.

Главная проходная располагалась в небольшом двухэтажном здании на маленькой тихой улице. По ее названию можно было предположить, что когда-то на этом месте была река. Здесь не ходил общественный транспорт и редко проезжали автомобили. Аккуратное здание было выкрашено в светло-желтый цвет, контуры его окон и колонны были белыми. Внутри было пусто, светло, прохладно и почти всегда тихо. Что бросалось в глаза при входе – это стеклянная будка охраны, по обе стороны которой располагались турникеты, и зеленый банкомат в стороне у окна. Позже его заменит красный, потом синий, а сотрудникам НИИ несколько раз поменяют зарплатные карты. Можно было предположить, что финансово-экономическое состояние дел института складывалось не лучшим образом. Во всяком случае, величина заработной платы после очередной раздачи новых карт на руки оставалась прежней.

Здание главной проходной

В здании, помимо контрольно-пропускной службы, размещались стандартные для таких предприятий подразделения: бюро пропусков, отдел кадров, отдел охраны труда и техники безопасности, старый конференц-зал, помещение охраны, первый отдел, который сейчас принято называть «режимно-секретным отделом». Во многих из них работали женщины, которые изо дня в день выполняли одинаковую спокойную работу, в которой ценились внимательность,

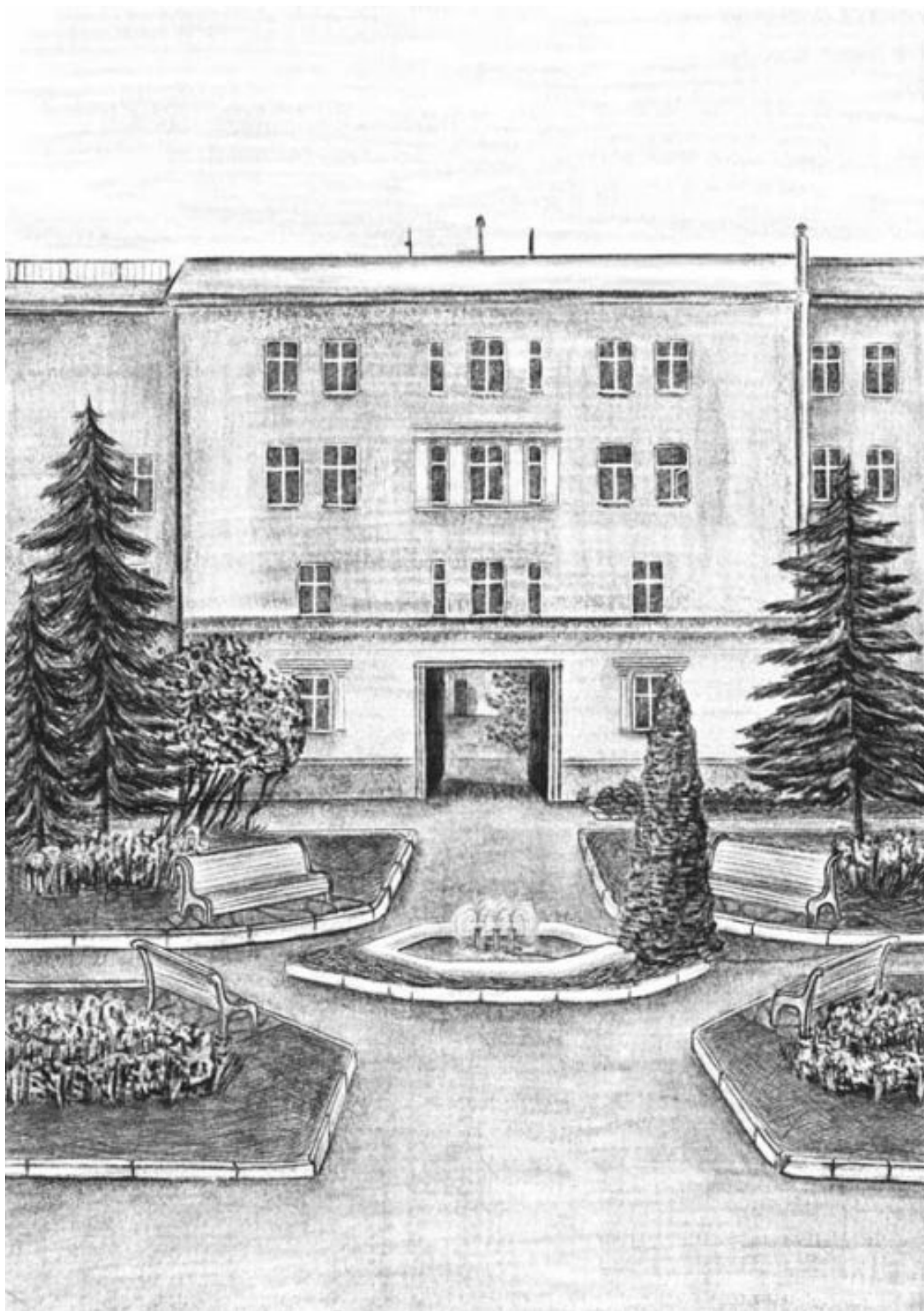
аккуратность и усидчивость. Чтобы попасть во все эти отделы, не требовался пропуск на территорию предприятия.

Случалось, здесь оформляли транспортные накладные на внос или вынос различных предметов. Процесс требовал много времени для оформления бумаг. Часто кто-то в каком-то месте допускал ошибку из-за спешки. А спешка была всегда по причине того, что в последний момент вспоминали, что требовалась накладная на груз. Тогда проход на территорию или выход с нее затягивался на неопределенное время, пока не находился человек, который мог исправить неточность или был готов взять на себя ответственность за внос или вынос. Порой дело доходило до директора предприятия.

Эта часть маршрута мне хорошо знакома. По понедельникам наша университетская группа приезжала в НИИ на лекции. Но сейчас я оказался здесь один, без одноклассников и в непривычно раннее время. Больше не требовалось каждый месяц получать временный гостевой пропуск и предъявлять паспорт вместе с ним. В кармане лежал магнитный пропуск с моей фотографией. Я стал законной частью этого института.

Любой, кто попадал на территорию института через главную проходную, будь то гость или постоянный сотрудник, должен был миновать внутренний двор НИИ. Он был прямоугольной формы. С одной стороны двор был ограничен четырехэтажным зданием главного корпуса, напоминающим сверху строчную букву «пи» греческого алфавита, а с другой – небольшим зданием главной проходной. Они стояли напротив друг друга, и между ними был проезд для автомобилей. Одна пешеходная дорога соединяла центр проходной с центром главного корпуса в том месте, где находилась арка, другая соединяла два крыла главного корпуса. В точке пересечения этих дорог, в центре двора, располагался фонтан, который, быть может, служил источником вдохновения для сотрудников или помощником в период сложных научных размышлений. Небольшая шестигранная чаша фонтана была высотой ниже колена и диаметром около трех метров. В центре было установлено современное пластмассовое устройство на круглом основании с тремя соплами. Они подавали небольшие струи воды, с трудом бьющие вверх. Электрический провод от устройства тянулся по дну, затем по стенке чаши фонтана, далее по газону и асфальту проезжей части дороги к зданию главного корпуса до ближайшей электрической розетки. Это устройство, как и многие другие здешние атрибуты современного мира, выглядело в этом месте простовато и нелепо на фоне фундаментальных построек и продуманных инженерных решений прошлого, которым посчастливилось сохраниться до наших дней.

Вокруг фонтана на каменных плитах симметрично были расставлены четыре скамейки голубого цвета на чугунных основаниях, похожие на те, что стоят в городских парках и скверах. Ближе к проходной росли высокие голубые ели. В жаркие дни лета они дарили прохладную тень двум ближайшим скамейкам и тем, кто на них сидел.

Внутренний двор НИИ

Пространство фонтана со скамейками было окружено аккуратно подстриженным газоном и множеством разнообразных цветов. Сколько труда, заботы и любви приложили люди, чтобы создать и поддерживать эту красоту каждый день! Не было дня, чтобы не цвел ни один цветок. Когда отцветали одни, эстафету принимали другие. Красота была всегда. Здесь росли нарциссы, тюльпаны, пионы, ромашки, сирень, астры, розы, гладиолусы, рододендроны и дру-

гие цветы, названия которых мало кому известны. Может, благодаря этим цветам некоторые разработки нашего сектора получили свои цветочные названия.

На газоне, располагавшемся вдоль главного здания л-образной формы, росли большие кусты роз, которые тщательно укрывали еловым лапником и полиэтиленовой пленкой перед наступлением морозов. Здесь же были небольшие альпийские горки, росли березы, кусты сирени и другие цветы. Таким был двор нашего института в те годы, когда мы впервые туда пришли. Красивым, цветущим, уютным и ставшим по-настоящему родным и близким, учитывая количество послеобеденных прогулок, прошедших здесь. А свидетелем скольких бесед разных сотрудников института он стал, мне и представить сложно.

Записка № 6

Первый рабочий день

Первый рабочий день на новом месте всегда хорошо запоминается, а все последующие дни склеятся воедино. Кинолента закрутится с такой скоростью, что вы не сможете сопоставлять даты и кадры многочисленных рабочих дней. Будут какие-то яркие моменты, но и они потеряются в календаре, останутся только две даты, которые запомнятся: первый рабочий день и последний.

В тот день я встретил пару одноклассников на скамейке у фонтана – они также приехали заранее, к половине девятого утра. Начало дня было замечательным: ясное голубое небо, яркое солнце, которое к этому времени уже успело разогреть воздух, и находиться под его лучами становилось некомфортно. Но здесь были высокие ели, в тени которых было приятно сидеть на одной из скамеек. Еле слышно журчал маленький фонтан, а газон беззвучно обрызгивался мелкими струями воды из системы автоматического полива. Он был зеленым, с сочной густой растительностью. Лишь в тех местах, где газон был подстрижен слишком коротко, виднелись участки с высохшей под воздействием солнечных лучей травой.

Никого, кроме нас, здесь не было, три другие скамейки пустовали. За те двадцать минут, что мы сидели и разговаривали, мимо нас прошло не больше десяти человек. Позже я узнаю, что бо́льшая часть сотрудников предприятия заходит на территорию через так называемую «малую проходную». В мое подразделение, скорее всего, уже все пришли, хотя тогда я еще не ассоциировал себя с сектором, в который попал, и не называл его своим. Он был чужим. Два окна помещения, в котором мне предстояло трудиться, выходили сюда, во внутренний двор с этим прекрасным цветником и маленьким фонтаном в центре.

Я легко угадал эти окна, находящиеся на третьем этаже над аркой, так как часть одного из них была заделана полиэтиленовой пленкой, там, где располагался стол с чайными принадлежностями. Из-за этого с улицы оно казалось еще грязнее. А окна последние годы здесь мыл лишь дождь. Может, женщина в возрасте или светловолосый молодой человек, которые сидели рядом с окнами, уже заметили нашу мирно беседовавшую группу и меня в ее составе.

Оставалось десять минут до девяти часов. Пора вставать и расходиться по своим подразделениям. Хотим мы этого или нет, а время постоянно движется вперед. Я, по крайней мере, представлял, куда попаду через несколько минут, а кто-то из нашей группы еще не был знаком со своими будущими коллегами. Всех нас, а точнее восемь человек из университетской группы, пожелавших здесь работать или писать дипломную работу, оформили на одинаковых условиях, и трудовой стаж в институте начинался одинаковым числом. Позже кто-то уволился, не проработав и года в этих стенах, кто-то перешел в дочернюю организацию, которая окончательно отделилась через несколько лет от большого института. А спустя восемь лет из восьми одноклассников я останусь в этом НИИ один, уже в другом здании, расположенном в новом месте, и тоже задумаюсь об уходе.

Перед началом нового дня появилось легкое волнение. От фонтана я дошел до арки, погрузился в ее приятную прохладу, вышел и повернул направо, здесь находилась дверь с небольшим бетонным крыльцом. За ней была широкая лестница с высокими пролетами, по которой я спускался после первого моего визита сюда. В одной рубашке здесь было прохладно, ощущалась сильная разница по сравнению с температурой на улице, как будто спустился в погреб. В зависимости от времени года, влажности воздуха и наличия или отсутствия мешков с мусором под лестницей здесь пахло по-разному. Запах складывался из множества компонентов: запаха старой бетонной лестницы, штукатурки, давно засохшей масляной краски на стенах, пыли на батареях. Но дышать было приятно и легко благодаря огромному пустому про-

странству, образованному за счет ширины ступеней и высоты потолков в здании, которые не были урезаны подвесными конструкциями. Здесь все было по-настоящему и выглядело добротно и надежно.

На этой широкой лестнице, между вторым и третьим этажами, возле окна с чугунной батареей, я проводил какое-то количество времени по утрам. Отсюда хорошо просматривалась закрытая дверь нашего сектора и было хорошо заметно отсутствие света в предбаннике за рифлеными стеклами. Тогда у меня еще не было своего ключа и я ожидал появления первого сотрудника.

В зимние морозные дни здесь было прохладно без верхней одежды или теплого шерстяного свитера. Большое лестничное окно в старой деревянной раме промерзло насквозь. Морозные узоры были не только с уличной стороны стекла, но и с внутренней. Стужа напирала изо всей силы, а батарея стойко держала оборону. Ее поверхность была настолько горячей, что короткого прикосновения к ней было достаточно, чтобы рефлекс отдергивания руки сработал молниеносно.

В семь часов утра было еще темно на улице за окном. Я стоял, прислонившись к невысокому подоконнику, и с увлечением читал старый томик «Графа Монте Кристо» из домашней библиотеки. Я был рад, если первый сотрудник нашего сектора задерживался и приходил позже, – в этом случае удавалось прочесть на пару страниц больше.

Преодолев подъем протяженностью в шесть лестничных пролетов по двенадцать ступенек, я оказался перед знакомой мне белой деревянной конструкцией стены с дверью на третьем этаже. Назад пути нет, по крайней мере в данный момент. Тяну круглую металлическую ручку на себя, открываю дверь, отчего стена со стеклами слегка задребезжала, сопротивляясь небольшому объему воздуха, стремящемуся выбраться в коридор вслед за дверью. Теперь все, кто находился там за стеной, узнали о моем присутствии в «предбаннике». Оправдывая их ожидания, я скорее открыл вторую дверь в саму комнату.

Мы обменялись рукопожатиями с мужчиной, сидящим слева от входа. Он занимал то же место за шкафом, как и в мой первый визит сюда. Все здесь осталось без изменений. Каждый сидел за своим столом и чем-то занимался. Единственное, что поменялось, – это освещение. Сейчас оно было естественным, солнце заливало комнату, и температура в ней была комфортной, несмотря на отсутствие кондиционера. В воздухе витал приятный и знакомый аромат, не ассоциирующийся с этим помещением.

На столе начальника сектора, среди разнообразных бумаг, газет и множества канцелярских предметов, стоял чай в подстаканнике, как в поезде. Теперь я понял, чем пахло в комнате. Это был аромат популярного желтого пакетированного ароматизированного чая со вкусом лесных ягод, который я иногда покупал домой. Обычно люди его возраста не любят ароматизированные чаи и редко приобретают их. Судя по тому, что чай ему заваривала женщина лет сорока, которая сидела рядом с ним, то, скорее всего, она же занималась приобретением таких чайных пакетиков.

Все поздоровались со мной, после чего ведущий инженер показал мне место, которое я мог на первое время занять. Это был пустующий массивный стол с ящиками с обеих сторон, рядом со столом светловолосого молодого человека. Сегодня стол выглядел свободным. Кипы бумаг с него переместили на соседние столы. Какие-то документы остались лежать здесь, но столешница была большой, и они не мешали. Мне дали технические условия на какое-то изделие и документы, чтобы я пока с ними ознакомился. Я не переживал, подумал тогда, что это как журнал по технике безопасности, с которым нужно ознакомиться, чтобы иметь минимальное представление о работе, а потом приступить к делу. Изучение документов немного затянулось. На несколько недель или даже месяцев. К работе я приступил значительно позже.

Я сел на стул, такой же, как стоял напротив стола начальника сектора, с железным основанием, фанерным сиденьем и спинкой, которые были обиты светлокоричневым дерматином.

Выглядел он удручающе. Хорошо бы не испачкать брюки или не оставить зацепы на них. На этом стуле, наверное, давно никто не сидел. Слева от меня стоял такой же стол светловолового молодого человека. Он сидел за компьютером, но я не видел, чем он занимается, так как черный системный блок, стоявший на краю стола, служил перегородкой между нами. Передо мной сидел ведущий инженер, но его не было видно из-за высокой деревянной надстройки на моем столе. Если бы ее не было, я мог легко дотянуться до его плеча, привстав со своего места. Справа был узкий проход, а за ним стоял стол начальника сектора. Я был ближе всего к нему и находился под его наблюдением, хотя он внимательно читал газету и вряд ли следил за мной. За моей спиной был торец одного из свободных, но не пустующих столов, его перегородка не позволяла мужчине у входа видеть меня, когда я сидел. Столы стояли на таком расстоянии, что мой стул едва помещался между ними.

Как камешек, который падает в воду и создает брызги и волны на поверхности, я нарушил привычную спокойную обстановку этого места. Но волнение это было недолгим, и спустя несколько секунд все вернулось на круги своя. Все продолжили заниматься своими делами, будто я и не появлялся здесь.

Записка № 7

«У нас так не принято»

Не знаю, сколько прошло времени с момента, когда я начал читать документы, до момента, когда нить повествования стала теряться, едва начавшись, а меня начал одолевать сон. Но могу сказать, что интервал не превышал и часа. Это были сухие технические тексты с редкими расчетами, читать которые было скучнее, чем плохое учебное пособие. Некоторые документы были оформлены вручную, и бумага давно пожелтела. Все происходящее скоро стало напоминать испытание терпения и силы воли. В голову полезли мысли о бессмысленности происходящего со мной.

Молодой человек слева от меня сидел с наушником в ухе и смотрел в свой монитор. Я не видел, что происходило на его экране. Редко раздавались единичные звуки щелчков кнопки мыши, колесика прокрутки или нажатия клавиш на клавиатуре. Можно было предположить, что он листал текстовый документ, читал его и вносил правки. Начальник сектора сидел за своим столом, дремал в кресле и время от времени читал газету со спортивным обозрением. Обычно такие газеты печатают на листах размером с простыню. Мне всегда нравилось смотреть, как их постоянные читатели ловко складывают газету в несколько раз, чтобы было удобно читать спортивные новости в небольшом пространстве общественного транспорта. Наверное, процедура складывания листа доставляет им не меньше удовольствия, чем изучение самой информации.

Что делали остальные сотрудники сектора, со своего места я не видел из-за надстроек столов. Обстановка напоминала библиотеку или музей, где боишься нарушить общую тишину и старательно ее соблюдаешь, даже если происходящее тебя утомляет. Единственным решением в такой ситуации является туалет, в который можно удалиться на некоторое время, не спрашивая разрешения.

Я тихо встал со своего места и увидел на экранах мониторов молодых людей воспроизведение художественных фильмов. Они внимательно следили за происходящим, вставив один наушник в ухо. Ведущий инженер корректировал электрическую схему, развернутую на всю длину его стола. Для работы он использовал шариковую ручку, карандаш, ластик, линейку, ножницы и клей-карандаш. В будущем одному из нас будет поставлена задача по переносу этих бумажных корректировок, выполненных в виде коллажа, на компьютер.

Женщина в возрасте, что сидела слева от него, набирала текст с листа бумаги на компьютер. Текст был выдан ей ведущим инженером, поскольку, помимо напечатанных абзацев, были видны правки, сделанные его синей ручкой. Позже я узнаю, что женщине пятьдесят шесть лет и она совсем недавно вышла на пенсию. Она впервые пришла в НИИ в том же возрасте, что и я, и проработала в институте тридцать пять лет. Она жила недалеко от института, и дорога до работы занимала у нее не больше пятнадцати минут пешком. Она была первым сотрудником, который утром приходил на работу в наш сектор.

Женщина среднего возраста, чей стол находился справа от ведущего инженера и ближе всех к начальнику сектора, была занята разбором старых документов. Она записывала на лист бумаги их полные названия, десятичные номера, делала необходимые примечания и отмечала, где они лежат. Это было похоже на создание реестра всех документов сектора. На корешки папок с документами толщиной в сантиметр и больше женщина аккуратно наклеивала их названия, которые она предварительно распечатывала на компьютере и нарезала узкими полосками. Учитывая количество документов без опознавательных знаков и ее добросовестный подход к делу, работой она была обеспечена надолго.

Не уверен, что кому-то требовался настолько скрупулезный и честный подход к работе. Ни разу не видел, чтобы она делала что-то для вида, пока кто-то смотрит или есть вероятность, что может взглянуть в любой момент. Даже в ночные смены, когда никого не было на рабочих местах, кроме меня да пары охранников в здании, эта женщина находила себе работу. Все мы этому удивлялись, а порой и раздражались такому чересчур ответственному и рьяному подходу к работе. Бывало, если из соседнего отдела надо было кому-то чем-то помочь, она всегда вызывалась первой. Часто задерживалась допоздна, чтобы помочь с канцелярской работой нашему начальнику научно-технического центра. Все остальные работники отдела находили причины, чтобы не оставаться. Насколько мне известно, переработки эти отдельно не оплачивались. Сама женщина и не задумывалась над тем, что начальник НТЦ мог бы дополнительно премировать ее за добросовестную работу. Есть вероятность, что когда-то он и премировал, но я уверен, что величина этой выплаты была слишком мизерной в соотношении с затраченными ею силами и временем.

Пожилой мужчина, инженер первой категории, сидевший за шкафом у двери, внимательно и сосредоточенно читал книгу на иностранном языке, используя небольшой словарь.

Я без лишнего шума проследовал к двери мимо шкафов. Теперь мне стало понятно, для чего они здесь так расставлены. Когда кто-то заходил в предбанник (так ведущий инженер называл деревянную пристройку в коридоре), это всегда было слышно. За это время можно было успеть отложить в сторону газету, книгу и свернуть окно с фильмом на мониторе. Шкафы играли роль дополнительных предохранителей для тех, кто увлекся своими нерабочими делами.

В недалеком прошлом сотрудников сектора защищал кодовый замок на двери, выходящей в коридор. Потом механизм замка сломался и была придумана альтернатива. Сверху на двери при помощи металлического уголка была закреплена толстая леска. Она тянулась через весь предбанник под потолком, проходила через отверстие в стене и соединялась с небольшим колокольчиком, который висел в секторе. Но работал механизм с переменным успехом, так как некоторые гости открывали легкую входную дверь на сто восемьдесят градусов и, незаметно для себя, обрывали леску. Растянутая пружина не помогала, а доводчик двери был непозволительной роскошью.

В коридоре все было без изменений. С лестничной площадки проникала и ощущалась приятная прохлада. За потускневшим окном, расположенным между пролетами, была видна густая зелень деревьев. Я не спеша сходил в туалетную комнату, помещение которой было для меня новым, как и вся обстановка в этой части здания института. В этом крыле было четыре этажа, на которых размещались все основные отделы, сектора и лаборатории. В другом крыле здания располагались сопутствующие подразделения и руководство. Там был сделан свежий ремонт, и интерьер выглядел современно.

Возвращаться обратно в сектор я не спешил – не хотелось заснуть за чтением документов в первый рабочий день. На мгновение представил себе эту картину, как тишину, царящую в комнате, нарушает раздавшийся храп, а после следует звук удара головы об стол. То, что я сегодня увидел, немного остудило мое желание работать по специальности. Во всяком случае, здесь. Ожидаемое и увиденное не совпали.

Я набрал на мобильном телефоне номер своего одноклассника и предложил ему выйти в коридор, чтобы немного проветриться. Он сидел в комнате, которая находилась напротив нашей белой пристройки. Мне было интересно узнать, как проходит его первый рабочий день. Может, он сейчас занят работой?

Как оказалось, кому-то повезло больше. Ему выделили старый компьютер, за которым пока нечего было делать, но какие-то программы и стандартные карточные игры были установлены. Его коллегами стали двое мужчин и одна женщина. Все пенсионного возраста. Их помещение было меньше нашего раза в три.

В будущем мы время от времени повторяли такие встречи в коридоре. Но они продлились недолго. Мой приятель очень скоро сбежал за ворота НИИ от происходящего в этих стенах, точнее, от не происходящего. А мы будем смотреть на людей, подавших заявление на увольнение по собственному желанию, с нескрываемой завистью к их смелости и радоваться за них, провожая на свободу. Каждый из нас в такие минуты будет мечтать о том, как он тоже в скором времени окажется на месте уволившегося.

Мы стояли в коридоре и разговаривали на разные темы, стараясь, незаметно для себя, как можно дальше отстранить момент, когда придется возвращаться на свои места. Хорошо, что в первый рабочий день мне есть с кем пообщаться в этих стенах на отвлеченные темы и хоть немного скрасить происходящее.

Белая дверь в нашей перегородке открылась, и из нее вышел высокий, худощавый молодой человек со светлыми волосами. Тот, что сидел рядом со мной и, как оказалось, был занят просмотром художественного фильма. Он молча прошел мимо нас. Через несколько минут, возвращаясь обратно в сектор, он произнес на ходу:

– У нас так вообще-то здесь не принято, – и зашел внутрь, закрыв за собой дверь.

Брошенная им фраза оказалась для меня неожиданной и послужила окончанию наших бесед. Мы пошли на свои рабочие места.

Позже, здесь и в других организациях, я неоднократно встречал людей, от которых слышал: «У нас так не принято». Важно в такие моменты понимать, что это не в организации или коллективе «не принято», а лично у таких людей. Это их субъективная точка зрения на какие-то вещи, которую они пытаются выдать за общую объективную, а часто произносят без всякого умысла и непонятно зачем. Главное для себя – не переоценить значимость такого сотрудника, его коллеги могут и не подозревать о его высоком авторитете.

Записка № 8

Рабочее время

Потянулись похожие друг на друга дни пребывания в НИИ. Назвать происходящее в этих стенах на том первоначальном этапе словом «работа» я не могу. Присутствовали только два атрибута трудовой деятельности: соблюдение рабочего распорядка дня и зарплата, которая регулярно приходила на банковскую карту.

Согласно трудовому договору, нескольких человек из числа студентов последнего курса университета приняли на работу в НИИ на должности инженеров с отработкой двадцати часов в неделю и зарплатой пять тысяч рублей в месяц. Из этой суммы вычитался подоходный налог в размере тринадцати процентов, и в итоге на банковскую карту каждый месяц поступала сумма – четыре тысячи триста пятьдесят рублей, причем не единовременно, а разбитая на две части: аванс и зарплата.

Да, это было в три раза больше нашей стипендии в университете, но называть это зарплатой можно едва ли, скорее прибавкой к стипендии. Но мы пришли в НИИ с перспективами на будущее и чтобы узнать за оставшееся до конца обучения время, что собой представляет работа по специальности, на которую мы учились пять с лишним лет. Уверен, в глубине души каждый из нас ожидал более щедрого денежного вознаграждения за работу по специальности, полученной в высшем учебном заведении, на должности инженера.

Мое знакомство с документацией сектора, которую мне выдали в первый день, затянулось. Оно стало напоминать чересчур продолжительный конфетно-букетный период в отношениях с девушкой. В какие-то моменты времени я перелистывал страницы, не прочитав ни слова, так как эти книги были прочитаны мной несколько раз, а то, что в них описывалось, я еще ни разу не видел вживую. Я был вынужден постоянно бороться со сном, настигавшим меня за изучением документов.

Первое время я пытался разными способами изменить ситуацию с однообразным чтением. Я выписывал непонятные мне моменты на листы бумаги. Сначала пытался разобраться сам, а потом задавал появлявшиеся вопросы ведущему инженеру или начальнику сектора в те моменты, когда мне казалось, что я их не отвлеку. В большинстве случаев это заканчивалось тем, что мне предлагали ознакомиться с другими сопутствующими документами и выдавали еще несколько технических книг сектора.

Каждый новый день, приходя на работу в институт, я надеялся, что сегодня начнется настоящее дело. Быть может, будут научные эксперименты или мы отправимся на полигон для проведения натурных испытаний. Но в нашей комнате царила та же обстановка, что и в первый день. Приходилось снова браться за изучение устройств, которых я еще ни разу не видел вживую, по старым документам.

Вначале я был пунктуален и приходил к девяти часам утра. Позже, когда мой интерес к происходящему здесь остыл и окружающая обстановка начала меня удручать, а порой и раздражать, мне стало труднее заставлять себя приезжать вовремя. С каждым новым днем в моем сознании все более отчетливо вырисовывался термин «жопачасы». Это бесполезно потраченное время, которое заключалось в трех числовых значениях: времени прибытия, времени убытия и времени, проведенном на рабочем месте. Если ты не выбивался из установленных значений этих чисел, то все было хорошо. Ты мог смело рассчитывать на свое скромное денежное довольствие или, как его некоторые здесь именовали, денежное недоразумение.

Тогда я не понимал, как формируется заработная плата сотрудников, учитывая, что прогресса в работе не наблюдалось днями, неделями, месяцами. Обстановка была спокойной.

Неспешное начало рабочего дня, обеденный перерыв, чай, кофе, перекуры и плавное завершение. Все это в одно и то же время – изо дня в день.

Позже мне разрешили приходить три либо четыре раза в неделю. Я самостоятельно распределял на эти дни необходимые двадцать часов. Такой график сделал мою жизнь более непринужденной, так как освободилась пара дней на неделе. Начиналось лето, и можно было найти более интересное времяпрепровождение. Минус в таком распорядке тоже был: надо было больше часов проводить в те дни, когда я приезжал в НИИ.

От нас ничего не требовали, помимо нахождения в стенах института в установленное время. Мы не ощущали никакой заинтересованности в себе со стороны руководства и своих коллег по отделам и секторам. Нам казалось, что нас сюда поместили по просьбе кого-то, а этот кто-то не объяснил нашим руководителям цель нашего здесь присутствия. Никаких наставников, которые занимались бы нашим обучением и помогали адаптироваться на новом месте, не было. Все зависело от твоих личных качеств и людей, работающих в твоём коллективе, и того, идут ли они на контакт и готовы ли оказывать тебе помощь и поддержку.

Отдел персонала предпринимал кое-какие попытки для акклиматизации новичков. Одна из них заключалась в анкетировании молодых специалистов и новых сотрудников. Выглядело все это больше как процедура для галочки. Они приходили к нам на рабочие места и всё прекрасно видели, а если не видели, могли поинтересоваться у непосредственного руководителя, какой работой занят новый сотрудник.

Интересно, что я должен был написать в предоставленной мне анкете? Мне необходим кофе в больших количествах, чтобы перечитать эту стопку документов в десятый раз и не уснуть? Посмотрите, здесь нет современного оборудования и нам не на чем работать. У меня даже нет рабочего компьютера. Я не был уверен, что кто-нибудь из отдела персонала представлял себе, чем должны заниматься люди за железными дверями этих коридоров. Интересно, как в отделе персонала обрабатывали данные, полученные от участников таких опросов?

Чтобы хоть как-то разнообразить свое присутствие на рабочем месте, я придумал вручную оформлять и заполнять листы в тетради, на которых рисовал таблицу со всеми днями месяца, вроде календаря. В каждую ячейку дня я записывал время, в которое прикладывал пропуск, приходя на работу и уходя с нее. Потом я вычитал из последнего числа первое и получал отработанное за день время. Далее суммировал отработанное время за неделю, позже за месяц. Процесс напоминал мне линейную алгебру, и это были мои матрицы семь на четыре, похожие друг на друга, от месяца к месяцу. Семнадцать часов двадцать семь минут минус девять часов тридцать шесть минут – получается семь часов пятьдесят одна минута за день. Семь часов пятьдесят одна минута плюс восемь часов восемь минут плюс восемь часов двадцать шесть минут плюс восемь часов одиннадцать минут плюс семь часов сорок две минуты – получается сорок часов восемнадцать минут за неделю. Тридцать девять часов двадцать три минуты за прошлую неделю плюс сорок часов три минуты за позапрошлую и сорок часов сорок две минуты за первую неделю. В итоге за месяц – сто шестьдесят часов двадцать шесть минут.

Для меня это было единственное полезное занятие тех времен, которое позволяло следить за выполнением главного условия нахождения в НИИ и хоть чем-то заполнить однообразные дни. Я был бы рад, если все сотрудники сектора, а может и отдела, сообщали мне свое время прихода и ухода, а я бы выполнял нехитрые математические вычисления и объявлял им по запросу количество недоработанных и переработанных часов.

Наблюдая за происходящим вокруг, можно было сделать вывод, что кому-то в отделе персонала наскучило, как и мне, на своем рабочем месте, так как спустя некоторое количество времени в институте ввели в работу автоматизированную систему контроля и управления доступом на территорию предприятия – сокращенно СКУД. В конце каждой недели и в конце месяца во все отделы стали приходить отчеты. Назывались они «отчеты по СКУД». Когда

наш делопроизводитель объявляла, что пришел «отчет по СКУД», у многих из нас появлялись улыбки на лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.